

****[Годжо Сатору ужасно досадовал, что так и не преуспел в освоении обратной проклятой техники. Он снова отстал от старшего брата! И когда только ему суждено превзойти его? Окажись он сильнее, Харе наконец-то пришлось бы подчиниться и назвать его «старшим братом»...]****

— Так ты, оказывается, спишь и видишь, как бы примерить на себя роль старшего брата, Сатору? — с мягкой улыбкой спросил Годжо Хара, поворачиваясь к близнецу.

Тот лишь упорно отводил взгляд, насвистывал какую-то мелодию и изо всех сил строил из себя невинность.

— Ой-ой, — хмыкнул Годжо-сенсей. — Напакостить горазд, а признаться духу не хватает? Бунт на корабле, не иначе! Господин старший брат, требую немедленной кары для нарушителя!

Сатору мигом вскипел и яростно воззрился на свою взрослую копию:

— Ты кого это сейчас старшим братом назвал, а?! С какого перепугу он стал твоим братом? Мой он, ясно тебе?! Только мой!

— Но ты ведь сам не желаешь оставаться в младших, разве нет? — невозмутимо парировал Годжо-сенсей.

— Всё равно он мой брат! — оскалился подросток.

Хара с улыбкой наблюдал за этой перепалкой, чувствуя, как на душе становится тепло и отрадно.

****[Годжо Хара уловил и досаду брата, и его упрямую решимость. Взглянув на Сатору с бесконечной нежностью, он подумал с тайным восторгом: «Да, именно так. Мой милый младший брат... Смотри только на меня, тянись ко мне, пытайся превзойти — и никогда, слышишь, никогда не смей отводить глаз».]****

«Да уж... — подумал Хара, чувствуя, как к лицу приливает жар. — Зачем эта дурацкая система транслирует абсолютно всё? Теперь его сокровенные мысли выставили напоказ. Как после такого поддерживать авторитет идеального старшего брата?»

С самым невозмутимым видом он выпрямил спину и уставился на экран, изо всех сил делая вид, будто происходящее его совершенно не касается, а любопытные, пронизывающие взгляды окружающих его попросту не достигают.

Гэто Сугуру задумчиво потер подбородок и усмехнулся:

— Вот оно что... Значит, именно поэтому ты в ваших спаррингах никогда не поддаешься, Хара? Сатору ведь считает, что заслужить твой признающий взгляд он сможет, только если одержит верх.

Теперь многое вставало на свои места. Раньше всех удивляло, почему Хара, который буквально сдувал с близнеца пылинки, на тренировочной площадке превращался в безжалостного монстра. Он не стеснялся наносить Сатору болезненные удары и никогда, даже из жалости, не уступал ему.

Все думали, что это проявление строгой братской любви — мол, пусть прольет больше пота на тренировках, зато уцелеет в настоящем бою.

Но истина оказалась куда изощреннее: Хара просто-напросто удерживал на себе всё внимание брата, не давая тому ни единого шанса отвлечься на кого-то другого.

Слова Сугуру содрали с секретов Хары последние покровы. Зрители, которые до этого не вникали в тонкости их взаимоотношений, пораженно переглянулись. В их глазах застыло немое изумление, смешанное с легким испугом.

«Этот парень не просто обожает брата... Он же самый настоящий одержимый яндере», — пронеслась в зале общая мысль.

Хара мысленно чертыхнулся, но вслух произнес с безупречным благородством в голосе:

— Полноте вам. Разве можно поддаваться в бою? Биться вполсилы — значит проявить неуважение к мастерству Сатору. Как бы сильно я его ни любил, тренировки требуют предельной суровости. Тяжело в учении — легко в бою. Это необходимая закалка, которая делает его сильнее.

И ни единым словом он не выдал той темной, ревнивой жажды единоличного обладания вниманием близнеца, что копошилась на самом дне его души.

— На самом деле, братик, если ты хочешь, чтобы я смотрел только на тебя и вечно гнался за твоей тенью... я совсем не против, — промурлыкал Сатору, укладывая подбородок на плечо Хары и задорно прищуриваясь.

«В сокровенной глубине души ты ведь и сам никогда не отводишь от меня глаз. Твой взор принадлежит только мне. Мы ведь две половинки единого целого!»

Вся напускная строгость Хары в мгновение ока испарилась. Он крепко перехватил ладонь брата и серьезно, без тени улыбки, произнес:

— Ты сам это сказал, Сатору. Ловлю тебя на слове. Назад дороги нет.

— Тогда давай скрепим это Обетом, — подмигнул тот.

И едва сорвались эти слова, как незримые путы древней магии оплели души обоих братьев, запечатывая нерушимый союз.

Наблюдавший за этим Годжо-сенсей округлил глаза от искреннего изумления:

— Да ладно? Вы серьезно? Это у вас теперь так братские чувства выражаются?

Что это еще за ролевые игры? Будучи единственным ребенком в семье, он решительно отказывался понимать подобное безумие. Связывать себя смертоносным Обетом из-за сиюминутного каприза? Да они с ума сошли!

Сатору одарил его высокомерным, полным жалости взглядом:

— Одиночкам, у которых нет старшего брата, никогда не понять истинного вкуса счастья.

У Годжо-сенсея дернулся уголок рта.

— Уж простите, что вырос единственным ребенком! — съязвил он.

[Когда Годжо Хара постиг тайны обратной проклятой техники, старейшины клана пришли в неописуемый восторг. Они тут же вознамерились превратить уникальный дар целительства в инструмент для извлечения колоссальной выгоды и укрепления своего влияния.]

[Хара не стал спорить. Однако послушной марионеткой в руках корыстных стариков он тоже не сделался. Если обратная техника — это его личная сила, то почему плоды ее должны доставаться кому-то другому?]

[Пользуясь своим искусством, юный маг начал стремительно обрывать связи. Каждый, кто удостоивался его исцеления, принадлежал к высшим эшелонам власти и бизнеса. Влиятельные люди почитали за честь войти в круг доверия будущего сильнейшего мага.]

[Параллельно Хара перетягивал на свою сторону молодое поколение Годжо, постепенно лишая гнилых мандаринов их неограниченной власти. Прикрываясь статусом божественного дитя с Шестью Глазами, он шаг за шагом забирая бразды правления кланом в свои руки.]

[Осознав, что почва уходит у них из-под ног, верхушка клана забила тревогу. Они лелеяли и превозносили Шесть Глаз лишь ради того, чтобы те служили им непревзойденным оружием и гарантировали их собственное вечное доминирование, но никак не для того, чтобы у них отбирали власть.]

****[Одаренность Хары пугала их до усмирения плоти. И тогда старейшины пошли на проверенный шаг — попытались вбить клин между близнецами. Натравливая Сатору на брата и подстрекая его вступить в борьбу за титул главы клана, они надеялись стравить двух обладателей Шести Глаз и поживиться на руинах их союза.]****

Глядя, как старейшины плетут интриги, пытаюсь рассорить братьев ради удержания контроля, Годжо-сенсей лишь брезгливо фыркнул:

— Да сдался кому-то этот титул! Главное гнездо гнилых мандаринов... Я туда даже заходить лишний раз брезговал!

«Эх, будь у меня старший брат, я бы с превеликим удовольствием сбросил на него все эти клановые дразги. Терпеть не могу возиться со старейшинами».

Хара взглянул на него. В памяти всплыли жалобы его собственного Сатору, который точно так же плевался при упоминании родового поместья. Сейчас, глядя на взрослого Годжо-сенсея, Хара словно воочию зрел безрадостную картину: его любимый брат, запертый в душном, насквозь прогнившем болоте без единой родной души, на которую можно было бы опереться.

Сердце защемило от жалости. Он не сдержался и негромко произнес:

— Сатору-кун, раз уж ты возглавил клан, почему бы тебе не попробовать перестроить его под себя? Среди молодежи наверняка найдутся достойные люди. Отдели свежие мандарины от гнилых, не позволяй гнили распространяться дальше. Клан Годжо еще можно спасти, если приложить руку.

Годжо-сенсей перевел на него взгляд, его губы изогнулись в ленивой, слегка ироничной усмешке:

— Вот как? Что ж, пожалуй, действительно стоит как-нибудь заглянуть в поместье.

Хара мгновенно уловил эту деталь: «заглянуть», а не «вернуться». Какая странная отчужденность для действующего главы клана. Тот словно сознательно вычеркнул себя из клана Годжо, став для него посторонним.

Впрочем, перед ним сидел лишь двойник Сатору, а не его собственный брат. Хара отбросил мимолетное удивление, решив не лезть в чужую душу.

Тем более что его Сатору уже надулся. Бесцеремонно схватив Хару за щеки, он силой развернул его лицо к себе.

— Не смей на него пялиться! Смотри только на меня!

Хара со вздохом накрыл ладонями его пальцы:

— Хорошо, хорошо. Смотрю только на тебя. Мой эгоистичный Сатору, для меня существуешь только ты.

Хотя Хара прекрасно понимал, что с Шестью Глазами, дарующими круговой обзор в триста шестьдесят градусов, он прекрасно видит Годжо-сенсея, даже сидя к нему спиной. Сатору, разумеется, тоже об этом знал, но сам факт того, что брат отвлекается на его альтернативную копию, выводил его из себя.

[Коварный замысел старейшин потерпел крах в первую же секунду. Сатору сразу раскусил их махинации и без малейших колебаний обрушил на заговорщиков технику «Синего», похоронив интриганов под обломками их собственного дома. Это было предельно ясное заявление: он безоговочно поддерживает брата.]

[Узнав об этом инциденте, Хара мягко предложил Сатору: если тот мечтает возглавить клан, он с радостью уступит ему это бремя и станет его верной опорой. У Хары никогда не было амбиций правителя — желания близнеца для него оставались законом.]

[Сатору, однако, замотал головой так неистово, что едва не свернул шею. Власть его нисколько не прельщала.]

[Раз уж брат отказался, Харе пришлось взять бразды правления на себя. Пусть сам он не стремился к величию, он понимал: только став полноправным властелином клана Годжо, он сможет заставить всю эту гигантскую машину безропотно служить интересам Сатору. Семья должна стать для его близнеца надежным щитом, а не душной клеткой.]

[Разумеется, заскорузлые старейшины не пожелали без боя расстаться со своими привилегиями. Вспыхнул внутренний мятеж, но Хара, за чьей спиной уже стояли сплоченные силы молодых магов, раздавил сопротивление железной рукой. Бунтовщиков карали быстро и безжалостно — несогласных просто стирали в порошок.]

[Столкнувшись с безупречным сочетанием ледяной жестокости и тонкой дипломатии, уцелевшие упрямцы быстро растеряли весь свой пыл. Овладевший обратной проклятой техникой Хара стал неоспоримо сильнейшим магом клана. Противостоять ему было равносильно самоубийству.]

[К тому же Хара никогда не убивал бездумно. Каждая казнь обставлялась как справедливое возмездие за предательство или урон, нанесенный общим интересам семьи. Никто не мог упрекнуть его в устранении личных врагов — на бумаге всё выглядело чистейшим правосудием.]

[Так, еще даже не успев официально взойти на трон, Годжо Хара де-факто стал абсолютным правителем великого клана.]

Люди в кинозале заворуженно смотрели на экран. Мальчику на видео едва исполнилось десять лет, а он уже вертел древним, могущественным кланом как хотел. Его холодная расчетливость, умение карать и миловать, заставившие вековую элиту преклонить колени, внушали неподдельный трепет.

«Разве может ребенок обладать подобным разумом?» — крутилось в головах потрясенных зрителей.

Даже Годжо-сенсей, будучи номинальным главой клана в своем мире, невольно затаил дыхание.

В своем мире он получил титул лидера исключительно из-за превосходства в силе — старейшины просто не могли проигнорировать сильнейшего мага современности.

Но реальная власть оставалась в руках упрямых стариков. Стоило Сатору отдать приказ, шедший вразрез с их интересами, как они тут же вставали в позу. Чтобы провалить свое решение, ему приходилось буквально брать их за горло и угрожать расправой.

Метод силы работал безотказно, но сама эта карусель до безумия его утомляла: «Приказ — протест старейшин — угроза насилием — их вынужденное согласие — тихий саботаж — новые угрозы — и лишь затем шаткое исполнение». Неудивительно, что Сатору ненавидел копошиться в этой грязи. Он почти не бывал в Главном поместье Годжо, спихнув все дела на советников, а сам предпочитал тратить время на миссии и воспитание учеников.

И вот теперь, глядя на экран, где маленький Хара управлял кланом словно слаженным оркестром, заставляя старейшин ловить каждое свое слово и пресекая любые попытки ослушания в зародыше, Годжо-сенсей почувствовал укол зависти.

«Может, всё дело в том, что я просто лениво плыл по течению, а не вырывал власть зубами? — всерьез задумался Годжо-сенсей. — Стоило в самом начале пустить парочку самых крикливых гнилушек на фарш для острастки... Глядишь, остальные вели бы себя шелковыми».

Он мысленно пообещал себе: как только этот сеанс закончится и он вернется в свой мир, первым же делом устроит в совете старейшин небольшую, но крайне показательную чистку.

****[Окончательно подмяв под себя власть, Годжо Хара обязал каждого верного вассала скрепить верность магическим Обетом. Они клялись беспрекословно подчиняться не только ему, но и его брату Сатору, навек исключая любую возможность предательства.]*****

Зрители в зале застыли в немом шоке.

«Боже мой... — пронеслось в мыслях у многих. — Это просто невероятно».

Такая преданность граничила с безумием. Он делился с братом буквально всем, даже абсолютной верностью своих подданных. Хара без колебаний отдал близнецу половину собственной короны.

Если это не истинная любовь, то что тогда вообще можно назвать любовью?

Сатору и сам пребывал в смятении.

Конечно, он знал, что Хара подмял под себя клан еще в детстве, но подробности этого триумфа оставались для него тайной. Только сейчас, глядя на экран, он осознал, сквозь что пришлось пройти его брату и на какие меры пойти, чтобы обезопасить их обоих.

Теперь стало понятно, почему отношение соклановцев к нему самому никогда не менялось. Его уважали и слушались точно так же, как и новоиспеченного главу.

Оказывается, за этим стоял незримый Обет...

Сатору повернулся к Харе и, шутливо притиснувшись к его плечу, притворно захныкал:

— О-о-о, братик, ты у меня такой золотой! Я сейчас просто расплачусь от избытка чувств...

Хара тут же подыграл ему с самым нежным выражением лица:

— Неужели мой Сатору так растроган? Смотри, не испорти глазки слезами, у меня же сердце кровью обливается...

Близнец откуда-то извлек кружевной платочек и принялся картинно промакивать совершенно сухие уголки глаз, изображая безутешное, но чрезвычайно милое рыдание:

— Твоему глупому Сатору ничего не нужно, лишь бы любимый братик почаще улыбался!..

Взрослый Годжо-сенсей демонстративно отвернулся и изобразил рвотный позыв:

— Бе-е-е! Какая тошнотворная слащавость! Меня сейчас вырвет!

Патриарх Гэто язвительно хмыкнул:

— Сатору, неужели к тебе наконец-то пришло осознание собственного идиотизма?

Доктор Иэири меланхолично затянулась воображаемой сигаретой и добавила:

— О каком осознании речь? Он считает идиотом того, мелкого Сатору. Себя он в этом зеркале упорно не узнает.

Патриарх Гэто удивленно округлил свои и без того узкие глаза:

— Да ладно? Сатору, скажи, что Сёко ошибается. Ты ведь уже взрослый лоб, должно же у тебя быть хоть немного самокритики?

— С чего бы мне равнять себя с этим сопливым детсадовцем? — с искренним возмущением воскликнул Годжо-сенсей.

Директор Яга тяжело вздохнул:

— Твоя самооценка, как и всегда, поражает своей слепотой, Сатору.

— Да что вы все заладили?! — вскипел Годжо-сенсей, тыча пальцем в сторону кривляющегося подростка. — Я говорю про вон того мелкого придурка! Вон того!

Юный Сатору мгновенно отбросил платок и презрительно хмыкнул:

— Это ты кого сейчас мелким назвал, двадцативосьмилетний переросток? Сам ты инфантильный дурак!

— Ха! — издевательски рассмеялся Годжо-сенсей. — Не я тут вешаюсь на шею брату и размазываю сопли по его плечу, мелкий ты детсадовец!

И два сильнейших мага современности принялись самозабвенно лаяться на глазах у всего зала.

Остальные зрители могли лишь молча сокрушаться, наблюдая за этим зрелищем.

«Два сапога пара... — обреченно думали они. — И вот это — величайшие защитники человечества? Да они же ведут себя как первоклассники, не поделившие лопатку в песочнице!»

[Прибрав к рукам клан, Хара не остановился на достигнутом. Он начал активно использовать ресурсы и связи семьи для экспансии в обычный мир, основав многопрофильный Концерн Годзё.]

[Всех соклановцев, обделенных талантом к магии, он безжалостно отправлял грызть гранит науки в лучшие университеты, а после выпуска загонял в корпорацию — пахать на благо семьи не покладая рук.]

****[Имея за спиной мощное магическое лобби и инвестиционное чутье Хары, Концерн Годзё рос как на дрожжах. Вскоре влияние семьи укрепилось не только в теневом мире магов, но и в высшем обществе обычных людей.]****

****[Чтобы исключить малейший намек на заговор или предательство, Хара связывал каждого подчиненного жесткими обязательствами. Даже обычные люди, далекие от проклятой энергии, подписывали контракты, которые на метафизическом уровне дублировались магическими Обетами.]****

Представители великих кланов Дзэннин и Камо, вечно соперничавших с Годжо, почувствовали, как внутри у них всё леденеет. Наблюдать за тем, как этот ребенок из тени дирижирует восхождением своей семьи к абсолютному господству, было невыносимо.

Разве можно тягаться с таким монстром?

Но реакция у разных залов была разной:

В первом зале старейшины Дзэннин и Камо лишь облегченно вздохнули. В их мире Годжо Хара давно достиг пика своего могущества, и они вовремя сообразили не лезть на рожон, предпочтя примкнуть к победителю. Так что беспокоиться им было не о чем.

Во втором зале соперники Годжо злорадно ухмыльнулись: в их реальности никакого Хары не существовало, а значит, угроза обошла их стороной.

В третьем же зале несчастные остатки выживших из Дзэннин и Камо могли лишь горько усмехаться. В их мире Хара тоже правил бал, вот только всех несогласных он давно пустил под нож, фактически стерев их великие кланы с лица земли. Терять им было уже просто нечего.

Что же касается гостей из миров «Детектива Конана» и «Принца тенниса», то они и вовсе откровенно наслаждались зрелищем. В их вселенных не водилось ни проклятых духов, ни магов, так что все эти разборки казались им увлекательным фантастическим фильмом.

Взрослый Годжо-сенсей из второго зала равнодушно пропустил мимо ушей рассказ об экономических триумфах Концерна Годзё. Финансовые успехи его никогда не волновали. А вот идея поголовного связывания подчиненных Обетами заставила его всерьез задуматься.

— И что, такое количество Обязательств никак не вредит тебе? — негромко спросил он сам себя.

Услышавший его Хара повернул голову и мягко ответил:

— Отнюдь. Я даю им признание и щедрую оплату, они взамен делятся верностью и трудом. Разве это не честная сделка? Обет лишь гарантирует спокойствие обеим сторонам. Поверь, в

нашем мире Обетные узы — самая надежная вещь. Если научиться ими правильно пользоваться, большинство проблем отпадут сами собой.

Они дают идеальный базис для сотрудничества даже с теми, кому ты не доверяешь ни на грош. Конечно, в формулировках можно отыскать лазейки, но если подойти к делу с умом и заделать все щели заранее — это сработает как идеальный юридический договор. Ни один разумный человек не захочет испытывать на себе последствия нарушения магического Обета, так что и предавать тебя никто не станет.

Слова Хары показались Годжо-сенсею чертовски логичными. В его голове уже зрел коварный план: как только сеанс завершится, он вернется домой, отпинает каждого старейшину в поместье и заставит их принести ему клятву верности под страхом смерти.

Он прекрасно понимал свои слабые стороны. Плести интриги, очаровывать и манипулировать людьми, как это делал Хара, он не умел и учиться не собирался. Его стихия — чистая сила. Какая разница, искренне ли они его обожают? Главное — связать их нерушимым Обетом, чтобы работали без фокусов и саботажа.

Заполучив под контроль весь клан, он раз и навсегда обезопасит себя от ударов в спину со стороны Главного совета магов. Собственный клан сможет прикрывать его тылы, следить за старейшинами-гнилушками и оберегать его учеников.

Раньше он воспринимал клан Годжо лишь как досадную обузу, но пример Хары наглядно показал: глупо отказываться от столь мощного оружия, когда оно лежит прямо у тебя под ногами.

[Сделав клан своей цитаделью, Хара начал постепенно распространять влияние на весь мир магов, готовя почву для его полной реорганизации.]

[Впрочем, любые великие свершения меркли для него перед желаниями младшего брата.]

[Поэтому, когда на горизонте замаячило важнейшее собрание верхушки магов, напрямую связанное с его планами, Хара без тени сомнений проигнорировал встречу. Он попросту оставил старейшин Главного совета ни с чем и отправился вместе с Сатору стоять в бесконечной очереди за лимитированными пирожными.]

[Именно там, в толпе сладкоежек, они столкнулись лицом к лицу с Небесным тираном, легендарным убийцей магов — Дзэньином Тодзи.]

[Учитывая, что награда за головы юных Шестиглазых на черном рынке росла с каждым днем, Хара приготовился к бою, ожидая покушения. Однако Тодзи явился вовсе не за их жизнями.]

**[Склонив голову перед десятилетним магом, грозный наемник взмолился о помощи. Он

умолял спасти его умирающую жену, Эри.]***

[Взамен Тодзи пообещал всё, что угодно — он был готов продать в рабство Харе собственную жизнь и жизнь своего маленького сына, Мэгуми.]*

В первом зале Эри Фусигуро, глядя на отчаянную мольбу своего мужа на экране, не выдержала. На ее глаза навернулись слезы. Она порывисто уткнулась в широкую грудь Тодзи:

— Прости меня, Тодзи... Тебе тогда, наверное, было так страшно. Прости, что чуть не оставила вас с Мэгуми одних.

Наемник бережно обнял жену, его суровое лицо смягчилось, а взор наполнился бесконечной теплотой:

— Главное, что ты здесь, со мной. Не смей больше исчезать, Эри.

Мэгуми, у которого от этой сцены тоже предательски защипало в носу, поначалу хотел было прильнуть к родителям за утешением. Но, наткнувшись на их нерушимые объятия, мальчик лишь обреченно вздохнул, отвернулся и принялся тихо справляться со своими чувствами в одиночку.

Тем временем во втором зале Тодзи Дзэньин застыл, во все глаза глядя на соткавшийся прямо перед ним полупрозрачный силуэт.

— Эри... — потрясенно прошептал он, боясь даже вздохнуть.

<http://bllate.org/book/19549/2004412>